

Пролог

Они играли на сцене одну из самых красивых легенд XX века о торжествующей любви. Трагедия — уже XXI века — на Дубровке развела их по разные стороны от линии фронта. Но так и не смогла разведицить.

23 октября она не была занята в спектакле. Вечером звонок Сергея Ткачева, режиссера, в двух фильмах которого снималась. И странный вопрос: «Ты ты?». Потом: «Норд-Ост... Норд-Ост... Норд-Ост...». Как: SOS... SOS... SOS... — «Что с Норд-Остом?» — «Беда». Она включила телевизор и...

Вскоре она была на улице Мельникова.

А он в это время уже был заложником террористов, захвативших Театральный центр на Дубровке. Потом, после штурма, она встретила его на пороге больницы. Позже с телекрана сказала: «У нас есть финальная сцена, когда герои встречаются на Крайнем Севере после нескольких лет разлуки, войны. То, что мы играли раньше, — детский лепет на луначке. Теперь я знаю, как это надо играть».

Она и он — исполнители ролей Кати Татариновой и Сани Григорьева в мюзикле «Норд-Ост».

Мои собеседники — Екатерина ГУСЕВА и Андрей БОДАНОВ.

После Дубровки прошло ровно два месяца.

Глава 1. Дорога в «Норд-Ост»

— Давайте знакомиться. Если все мы — из своего детства, то из какого детства вы, сегодняшние Катя и Сани?

Катя ГУСЕВА: Я — из обыкновенного московского детства. С детсадом. С пионерлагерями, каждое лето. Когда в День траура мы возлагали цветы к «Норд-Осту», ко мне подошел мужчина с сыном и женой. Знаю точно, где-то его видела. Но где? Он говорил: «Я же Годунов». И я узнала своего вожатого в пионерлагере. Он, оказывается, стоял трое суток возле ДК на Дубровке и вот теперь пришел с цветами всей семьей.

Совсем маленькой занималась в школе олимпийского резерва, где готовили будущих гимнастов сборной СССР. Но лишь до первых открытых соревнований. Когда бабушка увидела, что вытворяет ее четырехлетняя внучка на бревне, на брусьях, на батуте, она ужаснулась и встала в позу: «Возить тебя не буду». А возить меня на тренировки больше было некому. Папа и мама работали. Так кончились мой большой спорт. Хотя позже я довольно профессионально занималась и фигуристским катанием, и плаванием в «Олимпийском».

В старших классах играла в школьном театре «Неба». Им руководила учитель истории, директор школы Элеонора Юрьевна Бараль. На последнем звонке мы устроили «куплю-куплю», и у меня была целая феерия перевоплощений и спешных переделований между номерами. В конце концов подошла Галина Петровна, ассистент Евгения Симонова, — она присутствовала на нашем «звонке». «Девочка, Евгений Рубенович набирает сейчас курс в Шукинском училище. Не хотите попробовать?» (Это был самый последний мой курс.)

Захотела — скорее для эксперимента.

В училище все экзамены сдали на пять. И споткнулась на коллоквиуме. Стыдно признаться, но я позорно не знала историю легендарной вахтантовской «Принцессы Турандот!» Думала — все, конец. Но надменной склонилась и поставила четверку. Первое, что сделала в тот же вечер, — пошла на «Принцессу». Потом, уже на третьем курсе, сама играли в массовках в этом спектакле.

После диплома — главная роль в первом фильме Николая Лебедева «Зменивший источник» и смотрине в театрах. Брали в один большой, уважаемый мной московский театр. Но честно предупредили: на каждую женскую роль у них по три-четыре состава, и поначалу нужно посидеть, подождать, поучиться, глядя на работу старших товарищей.

Следующий показ был в Театре Марка Розовского «У Никитских ворот». Беседа с Марком Григорьевичем решила все. Учиться, работая с таким режиссером, — куда интереснее, чем учиться вприглядку. Сыграв у него наяньку Варью из рассказа «Слать хочется» в спектакле «Доктор Чехов», главную роль в «Бедной Лизе», Ольгу Ильинскую, Сонечку Мармеладову. Начала репетировать в «Вишневом саде». И тут — «Норд-Ост».

Андрей БОДАНОВ: Я безотцовщина, у меня одна мама и старшая сестра Оля. Родился в Белоруссии, в городе Глуске Могилевской области, жил потом в тверских краях, в Торопце, который и считают родным. Учился в школе нормально, а в музыкальной — на «отлично». Мой педагог Татьяна Евгеньевна Бусыгина

— Естественно, создатели «Норд-Ост» выбирала вас не только по вокальным и артистическим данным, но и по своим представлениям о каверинских героях. Ну а изменило ли что-либо в вас самих «вживление» в образы Кати и Сани, в вашем понимании возможности или невозможности таких идеальных ориентиров в жизни?

Андрей: Когда мне дали прослушать версию мюзикла и спросили «Ну как?», я сразу сказал: «Это мое. Готов играть любую роль». Правда, он ожидал, что во мне увидят Саню Григорьева. Что-то стережевое во мне эта роль, наверное, изменила. Вернее, сконцентрировала и четко выразила то, что во мне присутствовало, но в рассеянном, непроявленном виде. У нас с Саней Григорьевым все-таки есть нечто общее. Это все. Но что-то есть.

Опыт ежедневных многочисленных спектаклей в стране не был. Такой опыт есть на Западе. И мы его, конечно, осваивали. В свой отпуск я девять дней прожила в Нью-Йорке и посмотрела восемь бродвейских мюзиклов. У них — школа высохшей профессионализма. Но

весь мюзикл, совпадение с духом каверинского романа мне показалось полным. Эти архитектурные люди совмещают в себе великое множество самых разных способностей. Прежде чем взяться за «Норд-Ост», они изучили все, связанное с «Двумя капитанами», консультировались с специалистами, встречались с родственниками Каверина. И им удалось собрать в одном действии че-ловеческие ценности, которые у нас вообще им не надо петь. Но и даже на роли «немых» мальчиков строго отбирали очень талантливых ребят, в том числе и по вокальным данным. На будущее.

Катя: Нас с Викой Соловьевой и Машей Шорстовой трое. Андрей: А «старший» Сани — я и Максим Новиков. Сейчас он работает в мюзикле «Чикаго», на замене Киркорова. Говорю «старший», потому что наши герои представлены тремя возрастами. Больше всего «бллизиц» у самых маленьких. Там вообще им не надо петь. Но и даже на роли «немых» мальчиков строго отбирали очень талантливых ребят, в том числе и по вокальным данным. На будущее.

Катя: А Катя и Саня в отечестве — Кристина Курбатова и Арсений Куриленко — погибли после штурма

а не только тем, что у него нет хвоста и шерсти.

Андрей:

Давайте отвечу, как

Маркс:

в мужчине — силу, в женщине — слабость, а в человеке — все человеческое.

— Какую человеческую слабость склонны скорее всего извинять?

Катя:

Готова слабостью оправдать

любую слабость.

Андрей:

Извиняю все, кроме пре-

ательства.

— Какой недостаток или поступок не простите никогда и никому?

Катя:

Нет такого.

Богданов:

Богданов: